

Глава 21. Забота

Сяо У, видя заплаканное лицо мужа, разволновался. Он намочил полотенце холодной водой и приложил к его глазам, и вскоре Гу Цину полегчало.

— После обеда, как освободишься, я с тобой в лес схожу за дровами. Скоро зима, как горы снегом завалит — не наберешься. — Гу Цин блаженно растянулся на кану с холодным компрессом на глазах. Голос его немного охрип, но звучал бодро.

Сяо У наотрез отказался:

— Не нужно, я сам справлюсь.

— Да мне всё равно делать нечего, вдвоем быстрее будет, — не сдавался Гу Цин.

— Как это «нечего»? Твоя задача на сегодня — беречь глаза и отдыхать.

Гу Цин вздохнул. Подумаешь, глаза опухли, руки-ноги-то целы! Но спорить с Сяо У было бесполезно.

Как только муж уехал с телегой, Гу Цин принялся за яйца. Он решил засолить их: зимой, когда с овощами будет туго, соленое яйцо станет отличным дополнением к обеду.

Сяо У всегда брал в лес запас соли, поэтому при каждой поездке в город покупал её с избытком. Так что соли в доме было вдоволь, и Гу Цин не экономил.

Он подобрал подходящий кувшин, вымыл его до блеска. Сами яйца промыл в слабом соляном растворе, насухо вытер, обмакнул каждое в крепкое вино, а затем обвалял в соли и плотно уложил в тару. Через двадцать дней они дойдут до кондиции, и желток в них станет нежным и маслянистым.

Закончив, он переставил кувшин в угол и глянул в окно. Солнце клонилось к закату — скоро вернуться работники. Он быстро прибрался на кухне, взял нож и решил зарезать того самого фазана, которого они принесли от Гу Тяньци.

Дичь была жилистой, жарить её не имело смысла — детям не прожевать. А вот наваристый бульон — самое то. В него же можно будет и лапшу положить.

Гу Цин разделал птицу, ошпарил куски кипятком и поставил томиться на медленном огне. Пока мясо варилось, он занялся лапшой: замесил тесто, дал ему отдохнуть, а затем тонко раскатал его на доске. Свернул пласт в несколько слоев, нарезал ровными полосками и присыпал мукой, чтобы не слиплись.

Стоило ему вымыть руки, как во дворе послышался шум. Выглянув, он увидел Сяо У с целой телегой дров.

— Как много! — Удивился Гу Цин. За такой короткий срок набрать столько было почти немыслимо.

— В лесу сухостоя полно, быстро набрал, — ответил Сяо У. На самом деле он так торопился к мужу, боясь, что тот всё же увяжется за ним, что работал вдвое усерднее обычного.

— Мой руки, будем обедать. Я сейчас как раз лапшу в котел закину. — Гу Цин вернулся на кухню, вынул мясо, а в кипящий бульон отправил лапшу, подбросив в печь дров для жара.

— У-гэ, иди помоги, присмотри за лапшой, а я пока заправку сделаю! — крикнул он мужу.

— Как закипит — подлей немного холодной воды. — Гу Цин вручил Сяо У ковш.

Сам он принялся колдовать над соусом: мелко порубил чеснок и зеленый лук, добавил соевый соус, щепотку перца и ошпарил всё это кипящим маслом. Для аромата плеснул капельку воды.

С готовой заправкой он подошел к плите, проверил лапшу и передал соусник мужу:

— Неси на стол, я сейчас всё разложу.

Сяо У поставил столик на кан, прибежали дети с палочками. Когда на столе появилась огромная миска дымящейся лапши, посыпанной свежей зеленью, у всех потекли слюнки. Аромат наваристого фазаньего бульона заполнил всю комнату.

Лапша получилась упругой, а бульон — густым и сытным. Дети ели так быстро, что на лбах выступил пот.

— Не торопитесь, ешьте мясо, обмакивайте вот здесь. — Гу Цин положил каждому по жирной ножке.

Северный перец давал больше аромата, чем жгучести, так что детям он был не страшен.

Сяо У положил большой кусок мяса в миску Гу Цину:

— О себе не забывай, ешь побольше. Утомился ведь за готовкой.

— Папочка, кушай много-много! — Сяочи с набитым ртом едва выговаривал слова.

— Сначала проглоти, а то подавишься. — Улыбнулся Гу Цин.

Ночью, когда все улеглись, Сяо У долго не мог уснуть. Дождавшись, пока дыхание детей станет ровным, он бесшумно придвинулся к Гу Цину. В темноте ничего не было видно, но он нащупал маленькую ладонь мужа. Хотя Гу Цин и привык к тяжелому труду, кожа его всё равно оставалась мягкой. Но одного касания руки охотнику показалось мало; он осторожно притянул Гу Цина к себе и заключил в объятия. Лишь почувствовав его тепло, Сяо У облегченно выдохнул и мгновенно уснул. Снаружи завывал ветер, шурша листвой, но в доме было тихо и уютно. Сон их был крепок и спокоен.

* * *

Глава 22. Козни госпожи Гу

Вечером у большой ивы в начале деревни, как обычно, собрались люди — отдохнуть после полевых работ и поболтать.

— На днях Цин-гэр к родителям наведывался, так принес им целую корзину яиц да еще фазана в придачу, — рассказывала вторая матушка Гу, сидя на камне. Она деловито лузгала семечки из сушеного подсолнуха.

— Ну и повезло же Гу Тяньци! — подхватила жена Гу-третьего, присаживаясь рядом. — Как он над пацаном измывался, а тот зла не помнит, такие подарки прет. Подвинься-ка, дай присесть.

— А вы не слыхали? — вступил в разговор сосед Гу Тяньци, понизив голос для пущего эффекта. Сам он ничего не видел, но пересказывал чужие слова так, будто стоял рядом. — Цин-гэр-то пришел, а отец ему и сесть не дал — пять таэлей вынь да положи! А не то, мол, в управу за непочтение сдам. Дети-то с Цин-гэром в слезах на колени пали, вся деревня видела.

— Тьфу! — в сердцах воскликнула вторая матушка. — Бесстыжий старик! Пять таэлей?!

— И ведь язык повернулся!

— Зять первый раз в дом вошел, а он такую подлость затеял! — Вторая матушка покраснела от возмущения. — Коли слух пойдет, кто ж из других деревень за наших парней да девок свататься станет? Позор-то какой!

— Да тише ты, не кипятись, — осадил её кумушка. — Ты подумай: Сяо У — он же не из робкого десятка. Неужто Гу Тяньци жизнь не дорога? Чтобы из-за денег так под пули лезть...

Тут к иве подошла сама госпожа Гу. Она буквально сияла, лицо её покраснело от удовольствия, будто и не было никакого скандала.

Разговоры мгновенно смолкли. Соседи смотрели на неё с явным пренебрежением, но мачеха, делая вид, что ничего не замечает, зашебетала:

— Ой, кумушки, привет всем! А у нас Сяобао из школы вернулся. Учитель его так хвалил, говорит — в туншэны точно пройдет, голова светлая. А я и знала: мой Сяобао такой умный, ему и в сюцаи дорога открыта!

— Гляди-ка, в туншэны метит! — едко вставила вторая матушка. — А чего ж тогда с пасынка замужнего пять таэлей трясете? Коли учитель узнает, каков у вас дома порядок, разве ж допустит он Гу Сяобао до экзаменов?

Вторая матушка за словом в карман не лезла и всегда была рада уколоть госпожу Гу, с которой они давно не ладили.

— Гэр — он и есть наш гэр, — огрызнулась мачеха. — спросили денег — и что с того? Вот станет мой Сяобао важным чином, они еще сами к нам в ноги кланяться приползут. Подумаешь, копейки какие-то потратят — зато за честь почитать будут!

Она презрительно фыркнула и добавила:

— Это наше семейное дело, и посторонним в него нос совать нечего.

— Тьфу на тебя! Слушать тошно про ваши паскудства! — не унималась вторая матушка. — Говорят: «коль отец милосерден — сын почтителен». А вы? Сперва силой мальчишку за Сяо У выдали, он ведь той ночью в реку прыгнул, свести счета хотел! Назавтра сам до мужа пошел, без единого гроша в приданое. А украшения-то матери его покойной? Мы-то всё помним, Цин-гэр тогда маленький был, а коробочка-то богатая была. Ты её прибрала, небось?

Вторая матушка была единственной, кто не боялся идти на конфликт с госпожой Гу. Та аж позеленела от ярости, но быстро взяла себя в руки и картинно вздохнула:

— Что вы такое несете? Цин-гэр сам замуж захотел, никакой коробочки я в глаза не видела. Я ведь в дом вошла чистой девицей, пятилетнего дитя на руки взяла, кормила-поила... А пять таэлей — то отец просил, не я. Ох, тяжела доля мачехи: как ни старайся, всё равно плохой останешься.

Она шмыгнула носом, изображая глубокую обиду. Госпожа Гу знала слабые места деревенских: они всегда жалели тех, кто выглядит несчастным. На фоне её кроткого вида разошедшаяся вторая матушка выглядела злобной фурией.

Соседи начали успокаивать сплетницу, прося её замолчать. Та, не в силах сдержать злость, в сердцах плюнула и, забрав свой подсолнух, ушла прочь.

Проводив её торжествующим взглядом, госпожа Гу довольно хмыкнула и, напевая под нос, отправилась домой.

<http://bllate.org/book/19018/1869772>